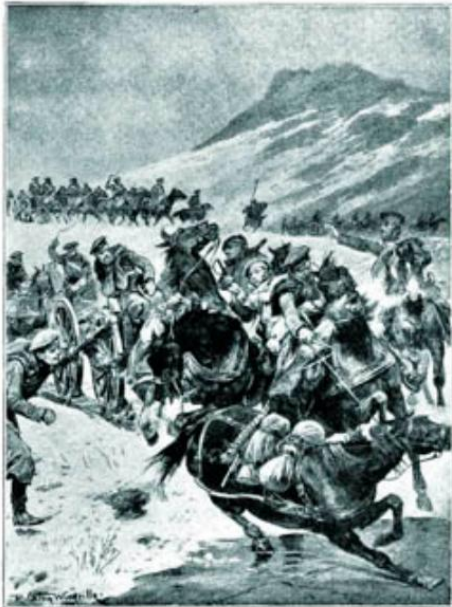

«24 января 1905 года. Ст. Ардын, Уральская дорога, близ Пензы, 10 часов утра»

«Мороза усилились, сегодня 12–13°, людям очень холодно, в особенности в конских вагонах. Через час будем в Пензе, будем шить из рогож мешки, а то спят прямо на полу на циновках, но ведь это еще не Сибирь, а что потом будет? Я лично сплю по-прежнему удобно, немного только для меня короткий диван. Сейчас пойду в Пензу и куплю себе резиновые калоши на меху, сапоги, термометр, яиц, хлеба, сыру и проч. Питаюсь главным образом запасами, за которые очень тебя благодарю, дорогая Маруся и Лидуша...»

(ДАМО, ф. 306, оп.1, спр.3, арк.7)

Русская артиллерия на пути к Маньчжурии. Рис. Р. Вудкин, лит. «Нива».

Російська артилерія на шляху до Маньчжурії

Фото з ресурсу «Во славу русского оружия. Русско-японская война 1904–1905 гг.»

<http://www.samoupravlenie.ru/18-14.htm>

«29 февраля»

[Сину Григорію]

«Дорогой Гора

...Подрастай и учишься хорошенько, будешь и ты защищать своего Государя и Родину... Учишься же, голубчик, лучше, не хочу и слышать, что ты можешь остаться на второй год, просто ленишься, ведь ты отдан мною в корпус не для ... лени, а для учения, помни это. Летом будешь свободен, а то опять все лето заниматься. Не огорчай же меня...»

(ДАМО, ф. 306, оп.1, спр. 3, арк. 12–13).

«28 марта 1905 года, д. Хаянгоу»

«Дорогая Маруся и дети. Давно Вам никому не писал, с самой высадки ни одной строчки, между тем много переиспытал за это время всяких ощущений до слез включительно. Кажется, последнее письмо я посылал Вам со ст. Маньчжурия. Со ст. Маньчжурия началась Маньчжурская дорога и сейчас же мы испытали беспорядки, по выходу с этой станции два раза загорались буксы вагона (оправы на концах оси, куда наливается масло). Случайно кто-то из людей увидел этот огонь, но дать знать паровозу не дали, так как веревка [не розбірливо] и другой здесь не полагалось, хоть ты тресни. Ну как бы то ни было, все обошлось благополучно, и мы пошли далее и вот начали получаться новости с войны одна ужаснее другой, но я все не придавал этому значения и из вагона не выходил. Наконец за два разезда до Чентофу мы внезапно были остановлены по телеграмме. Я простоял здесь двое суток в полном неведении, что творится впереди и видя кругом ужас деморализованной отступающей армии; со стороны юга навстречу нам все проходили поезда с ранеными, никогда не думал, что увижу такую ужасную картину. Пишу эти строки и злюсь, что делаю это для Вас, так не расположенных ко мне как к военному. Наконец случайно узнаю, что шедший впереди меня Шкадышек [Леонід Федорович, полковник 22-ї артилерійської бригади] высадился впереди на станции Чентофу с 1-й полубатареей, тогда я по телеграфу начал просить начальство перевезти нас на эту станцию, опасаясь, что полубат Шкадышека двинется на неприятеля без меня. Наконец получился благоприятный ответ, и мы прибыли на Чентофу, где соединились вместе и где застали наши 13 и 14 полки, а 15 и 16 полки...

застрали сзади неизвестно где. Ужасная картина отступления, доведшая меня до слез, все продолжалась...тогда начал будировать, чтобы к нам присоединились оставшиеся полки и батареи. Трудно было разбудить спящее начальство, но, наконец, прошение мое исполнилось, но только нам пришлось отступить для соединения с оставшимися бригадами и батареями на ст. Гунусунин, что мы и сделали, сделав поход в 150 верст. В Чентофу нас смотрел бывший Главнокомандующий Ген Куропаткин [Олексій Миколайович, військовий міністр у 1898–1904 рр., головнокомандувач російської армії на Далекому Сході в російсько-японську війну], который сказал солдатам: «давно Вас ждем, братцы, помогите нам побить японцев, никак мы этого сделать не можем». Затем Туцевича [В'ячеслав Платонович, полковник 26-ї артилерійської бригади], меня и двух командиров полков пригласили на обед к Куропаткину, видел его в обычной обстановке, не понравился он мне как человек страшно и как главнокомандующий произвел удручающее впечатление. Во всех наших несчастьях я виню только Куропаткина, но, как я говорил в Одессе, этот человек виновник всех наших бед, личность бездарная, нерешительная и очень грустно, что теперь, когда нужно было его совсем удалить из армии, он назначен начальником 1-й армии...»

(ДАМО, ф. 306, оп.1, спр. 3, арк. 14–17).

*Генерал Олексій Миколайович Куропаткін
програв битви при Лаояні, Шахе, Сандепу та Мукдені,
після останньої поразки звільнений від командування*

**«Адрес мой для писем: Маньчжурия, 3-я армия, 4-я стрелковая бригада, 4-й стрелковый артиллерийский дивизион, командиру 1-й батареи подполковнику Василию Николаевичу Данилову
6 апреля 1905 года, д. Хаянгоу»**

«Христос Воскресе! Дорогая Маруся, Лидуша, Боря и Гора! Целую Вас всех, желаю праздники провести весело, отбросьте все черные мысли и доставьте себе действительно удовольствие, чтобы приятно было потом вспомнить....»

...переслал тебе через казначейство 300 р., на днях вышлю еще 400 р. Хочу эти последние переслать через контору Ханса, но кажется это можно сделать только их Харбина, где есть отделение Русско-Китайского банка... Деньги не держи у себя, а сдавай к Хансу, только попроси там, чтобы открыли тебе текущий счет, как это делали для меня. Я напишу и сам в этот банк и если он откажет, то лучше забрать все у них и передать в другой. Я боюсь, что если часто будешь получать деньги, могут обокрасть....»

(ДАМО, ф. 306, оп.1, спр. 3, арк. 22–23).

КУХНЯ КОМАНДИРА 4-ГО АРМЕЙСКОГО КОРПУСА.
По фотографии W. K., съ театра войнм.

Кухня командира 4-го армійського корпусу
Фото з ресурсу: «Дореволюционная Россия на фотографиях. Русско-японская война»
<http://humus.livejournal.com/1715856.html>

БАТАРЕЯ НА ПОЗИЦИИ ПОДЪ МУКДЕНОМЪ. по фот. в. булла.

Артилерійська батарея на позиції під Мукденом
Фото з ресурсу: «Дореволюционная Россия на фотографиях. Русско-японская война»
<http://humus.livejournal.com/1715856.html>

ШТАБЪ 4-ГО АРМ. КОРПУСА НА ПОЗИЦИИ ВЪ ТРЕТІЙ ДЕНЬ БОЯ ПОДЪ МУКДЕНОМЪ.
ФОТ. В. БУЛЛА.

Штаб 4-го армійського корпусу на позиціях під Мукденом
Фото з ресурсу: «Дореволюционная Россия на фотографиях. Русско-японская война»
<http://humus.livejournal.com/1715856.html>

«1 июня 1905 г.»

«Дорогая Маруся. ...Стоит все на одном месте. Флот наш весь погиб, подлецы японцы хотят мира и, кажется, Россия соглашается, но неужели же на позорных условиях. Все так ужасно, ужасно. Большую ошибку сделал Линевиц [Микола Петрович, генерал, командувач 1-ю Маньчжурською армією в жовтні 1904–березні 1905 рр., головнокомандувач сухопутними і морськими силами, що діяли проти Японії в березні 1905–лютому 1906 рр.], что согласился оставить Куропаткина в армии, с ним победы у нас не будет. Бедный Государь, как тяжело ему эти унижения. А где же Витте [Сергій Юлійович, голова Комітету Міністрів у 1903–1906 рр., голова Ради Міністрів у 1905–1906 рр., пропонував Миколі II піти на поступки Японії], виновник всей вины, ведь его корить мало... »

(ДАМО, ф. 306, оп. 1, спр. 3, арк. 51–51зв.)

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ГЕН.-ОТЪ-ИНФ. ЛИНЕВИЧЪ НА ПЕРЕДОВЫХЪ ПОЗИЦІЯХЪ.

Головнокомандувач Микола Петрович Ліневич на передових позиціях
(можливо серед супроводжуючих осіб присутній підполковник В.М.Данилов)
Фото з ресурсу: «Дореволюционная Россия на фотографиях. Русско-японская война»
<http://humus.livejournal.com/1722224.html>

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ГЕНЕРАЛЬ-ОТЪ-ИНФАНТЕРІИ ЛИНЕВИЧЪ И ЕГО ШТАБЪ.

Головнокомандувач Микола Петрович Ліневич і його штаб
(можливо серед цих офіцерів був і підполковник В.М. Данилов)
Фото з ресурсу: «Дореволюционная Россия на фотографиях. Русско-японская война»
<http://humus.livejournal.com/1722224.html>

«6 июня 1905 г. , 9 ½ часа вечера»

«Дорогая Маруся. Сегодня чувствую страшную тоску, просто на мир смотреть не хочется. Все пока плохо и отвратительно. Гибель флота ужасна, высшее начальство... да Бог с ним, не с Вами же мне говорить о наших делах, все равно не поймем друг друга... А между тем погода великолепна, сейчас всходит луна, дует прохладный ветерок, бивак нашего корпуса раскинулся на версту и горит масса огоньков – точно город, слышно песни пехотных солдат, лошади наши притихли, вероятно дремлют... Кругом ни души, кроме солдат. Все китайцы или верите, почти все, ушли и земли около нас и вперед к японцам не обрабатывают. Положение наше неопределенное, с одной стороны говорят о мире, а с другой мы готовимся к бою, да вероятно последний будет...»

(ДАМО, ф. 306, оп. 1, спр. 3, арк. 53–54).

Затоплені кораблі російського флоту біля Порт-Артура.

З публікації «Как Россия проиграла русско-японскую войну и свалилась в революцию»

<http://www.vitki.org/КАК%20РОССИЯ%20ПРОИГРАЛА%20ВОЙНУ%20ЯПОНИИ.html>

КИТАЙЦЫ БЪГУТЪ ИЗЪ СВОИХЪ ДЕРЕВЕНЬ ПЕРЕДЪ ВОЕМЪ.

Китайці тікають зі свого селища перед битвою

Фото з ресурсу: «Дореволюционная Россия на фотографиях. Русско-японская война»

<http://humus.livejournal.com/1722224.html>

«21 сентября 1905 г., Каусантун»

«Дорогая Маруся. Вчера вечером получил от тебя письмо от 27 августа, в котором ты пишешь, что страшно обижена моим письмом и главнейшим образом тем, что я пишу: тоска, тоска... В чем ты здесь видишь обиду понять не могу. Неужели же ты думаешь, что на меня как на человека истинного патриота, любящего Родину, готового пожертвовать за нее жизнью – не влияют военные неудачи и ужаснейшие отзывы разных негодяев о военных вообще и об офицерах в частности – вот что меня расстраивает, вот отчего я писал тоска, тоска. А ты почему то этим обижаешься и говоришь, что подавлена моим письмом. Вас и конечно тебя люблю, всегда о Вас думаю и в мыслях не имею тебя обидеть, да и за что действительно? Кроме самого теплого ко мне участия, другого отношения от тебя не видел. Полно, голубушка, чего же обижаться, просто разнервничалась, увидимся скоро, вернусь и заживем по-хорошему, да и жить то нам, старикам, немного осталось, что уж нам ссориться и злиться друг на друга. Напрасно думаешь, что я вернусь через год, вернусь я самое позднее к Пасхе, а может быть и раньше. Раз мир, то нет смысла здесь держать армию во сто тысяч, ведь в день это стоит Государю 3 миллиона...»

(ДАМО, ф. 306, оп.1, спр. 3, арк. 74–75).

«8 февраля 1906 г., д. Ландиапа»

«Дорогая Маруся. Получил от тебя письмо от 12 января, а вчера телеграмму от 18 января, поздравительную. Прежде всего рад, что у Вас все благополучно, а во вторых, что наконец почта восстановилась и можно наконец своевременно получать письма. Ты огорчена тем, что прочла в газетах об оставлении армии в Маньчжурии еще на один год. Успокойся дорогая, это вздор. Это все пишут Ваши жидовские газеты с исключительной целью устроить беспорядки в армии. Поэтому поменьше впредь газеты читай. Хотя «Новое время», оно все-таки сообщает больше правды, чем другие газеты. 2 февраля приехал Гродеков [Микола Иванович, з 3 лютого 1906 р., головкомандувач армії на Далекому Сході, займався відправкою військ в тил] и действительно принял армию, а Линевиц и Куропаткин на днях уезжают в Петербург. Линевиц попрощался с армией и действительно больше не вернется, а Гродеков приехал с исключительной целью ускорить отправление армии в Россию, так он объявил всем и я полагаю этому можно верить. Весной или летом ожидаются беспорядки в Китае, но Маньчжурии это не коснется, да и нет оснований предполагать каких-либо враждебных действий со стороны китайцев против русских. Гнет японцев в этой части Маньчжурии, которую мы оставили и которую заняли японцы, прямо ужасный. К нам постоянно с той стороны приезжают китайские купцы и рассказывают о тех притеснениях, которым они подвергались в пути со стороны японцев. Ненавидят они японцев удивительно и при первом же случае возгорится война между ними. От русских же китайцы только богатеют, за все решительно им платят деньги, даже за ужасы, в которых мы живем. Конечно теперь японцы берут с нас контрибуцию, продавая нам при посредстве китайцев, свои товары. Японцы навезли много своих японок, но пока только в завоеванную ими часть Маньчжурии, например в Мукден, при чем китайские газеты пишут, что в Мукдене японки продаются на вес и на время, больше как на год не продаются и по цене 15 к. фунт. Не правда ли мило – цивилизованная нация!...

...Да ведь и все начальство растерялось после объявления Манифеста 17 октября – все думали, что все разрешится и ни чему препятствовать нельзя – вот и пошло и чуть было не погибла Россия, если бы опять не войска, оставшиеся верными присяге. Да трудное было время. Меньшиков пишет в «Новом времени», что Витте, по его Меньшикова мнению, нарочно бросил все на произвол судьбы, желая наглядно показать, что будет с Россией, когда у нее не будет твердого правительства, все зывали к нему, чтобы он начал действовать, но он упорно молчал, сложив на груди руки. Конечно, дорогой ценою он купил этот порядок, но думаю, что он будет прочен. Теперь студента или другого прохвоста с красными флагами избьют сами учителя, чего не делали раньше, а не делали раньше потому, что не представляли себе этой опасности, которая может произойти от пустяшного, казалось, хождения с красными флагами и пения Марсельезы. Поняли это, к сожалению, поздно, за это испытал этот ужас, больше не позволят ему повториться. А разращение армии и флота всякими листками и тайной проповедью – подумай только чем это могло кончиться для государства и мирных жителей. Слава Богу, что этого больше не будет! »

(ДАМО, ф. 306, оп. 1, спр. 3, арк. 112–116).

«28 марта 1906 г., д. Ландиапа»

«Дорогая Маруся. Вчера получил от тебя письмо от 1 марта, пишешь опять об ужасах, производимых анархистами и я без сил чем-нибудь тебя успокоить. Думаю только, что нет расчета им забираться к тебе, как жене военного, денег найти много не могут...»

(ДАМО, ф. 306, оп. 1, спр. 3, арк. 135).

«4 сентября 1914 г.»

«Дорогая Маруся. Я жив, Гора тоже. У нас немцы отбили обоз и пропали все мои вещи до мундира включительно и я остался только в том, в чем был одет. ...времененно прямо голодаем, т.е. почти ничего не ел и теперь чувствую большую слабость и какое-то сонное сознание. Пережил в боях ужасное состояние, но огорчает не это, а неудачи наши. Дай Бог успеха бедной Родине, ужасно если одолеют немцы. Теперь мы уже в России и ты хорошо сделала, что своевременно выехала из Вильны. Пиши так: г. Вильна, действующая армия, 2-й корпус, 2-й мортирный дивизион...»

(ДАМО, ф. 306, оп. 1, спр. 4, арк. 18)

«9 сентября 1914 г.»

«Дорогая Маруся. Я и Гора живы и здоровы... Сегодня получил от тебя первое письмо от 19 августа. Очень рад был узнать, что Вы благополучно добрались до Николаева и что Лида и Боря чувствуют себя хорошо. 26, 27, 28, 29 августа и 2 сентября были в боях. Весь ужас заключается в том, что мы не могли стрелять по неприятельской артиллерии, наши снаряды не долетали, когда их артиллерия стреляла на 8 верст и поражала нас. [речення не розбірливо] Теперь мы уже в России, 200 верст германской территории отдали неприятелю. Скоро опять будем наступать и не сомневаюсь, что будем в Берлине, иначе сегодня возвращаюсь домой. Был случай, что наши обозы [не розбірливо два слова] и вещи пропадали 8 дней, где-то их обстреливали немцы и они далеко удрали... За время боев 1-я батарея потеряла 12 солдат, из них один умер, а 2-я батарея 4-х человек. Как видишь, потери невелики, даже при губительном огне немцев...»

(ДАМО, ф. 306, оп. 1, спр. 4, арк. 19–20)

Русская артиллерия на позиции.

Артилерія на позиціях Першої світової війни

Завантажено з ресурсу: <http://lib.rus.ec/b/495338/read>

«17 сентября 1914 г.»

«Дорогая Маруся. ...14 и 15 сентября был у меня Гора – здорово и много рассказывал их переуспетых военных дел, действительно бывал на волоске от смерти и как сам он говорит «только Бог спас». Его эскадрон был послан три дня в разведку, и они, спокойно возвращаясь на свою стоянку, вовремя узнали, что их стоянка уже занята немцами и что все наши войска отступили и они три дня скрывались в лесу и ночью пробрались в Россию через немецкое охранение. Гора ничего не имеет теплого, все, что я ему дал, бросил в Мариямполь [Литва] и конечно пропало, так как Мариямполь в руках немцев... Я ему дал теплую фуфайку и теплые перчатки, но кальсон теплых дать не мог, так как у меня только одни. Он мне сказал, что написал Лиде с просьбой выслать ему теплые вещи и отослал ей на это 300 руб. и ожидает высылки. Ему нужно еще высылать понемногу еды, например пирожков, масла, 1 б. красивого белого испеченного хлеба, а то они очень плохо питаются: утром пьют чай, а затем едят, что попадет под руку. Говорит, забыл, когда и обедал. Я его накормил обедом и на другой день дал чай с закусками и белым хлебом – последнее здесь редкость... Гора на очень хорошем счету и ни за что не хотят с ним расставаться. Мы уже питаемся очень хорошо и ничего лично мне не надо. Офицеры наши все отлично держат себя в бою, а под артиллерийскими снарядами немного таки жутко. Убитых и раненных вообще много, нас же Бог хранит...»

(ДАМО, ф. 306, оп. 1, спр. 4, арк. 21–22зв.)

На передовых позициях.
(Фот. А. Бузак).

*Артилерія 8-ї армії на позиціях Першої світової війни
Завантажено з ресурсу: <http://lib.rus.ec/b/495338/read>*

«19 октября 1914 г.»

«Дорогая Маруся. Поздравляю тебя с именинами не 1 октября, а 7 октября написал письмо. 1 октября по нас стрелял противник и ночью же этого дня мы ушли – ни почты, ни телеграфа здесь таки не было. Не думай, что я забыл этот день. 11 октября был в бою, хотя и не значительном для всего дивизиона, так как противник не стрелял, но наш взвод 2-й батареи под командой Гартьера очень отличился, стрелял по наблюдательному [слово не розбірливо] германскому, сбил наблюдателя, ранив его в голову... Гартьер представлен к ордену Святого Георгия 4-й степени... Неприятель всюду отступает, неся большие потери, видим поле брани, усеянное германскими трупами, на грустные мысли, наводящее. Поляки, служащие в германских войсках всюду заявляют своим соплеменникам, что они готовы все сдаться, но имея перед собой казаков, боятся это сделать, так как казаки все равно их зарубают. Понемногу все же сдаются нашим войскам и радостно заявляют, что они теперь увидят своих жен и детей. Каждый день вижу их десять-пятнадцать человек. От Горы не имею писем и ужасно беспокоюсь о его судьбе, в его отряде были очень большие потери. Сегодня постараюсь опять написать ему письмо. Почты вблизи нас нет. Вообще почта и телеграф невозможно плохо действуют. О Горе же не знаю что и думать и к кому обращаться за справками. Это могла бы сделать Лида через кого-нибудь из военных... Народ польский вообще доброжелательный к нам, что не могу сказать о панах, держат себя вежливо, но не дружелюбно. Обидно, когда очень высокопоставленные мужи говорят с нами на французском, а не по-русски. Теперь стало очень холодно, все время дует сильнейший ветер, доволен только, что дует в глаза немцам, а не нам... Сегодня прочел в газетах, что турки бомбардировали Феодосию и Новороссийск, видно с ума сошли. Полагаю, что наш флот с ними справится, а до Николаева им не добраться; живите там спокойно и не вздумайте удирать оттуда... »

(ДАМО, ф. 306, оп. 1, спр. 4, арк. 27–29зв.)

«16 ноября 1914 г., г.Варшава»

«Дорогая Маруся. Можешь поздравить. Окончательно назначен командующим 2-й артиллерийской бригады. Когда именно буду произведен в генералы, точно не знаю, представление застряло в штабе корпуса и теперь навожу об этом справки. На днях переезжаем в Седлец, где будем формироваться. В Седлеце буду ждать тебя. Завтра будет наш к[омандир] дивизии отводить нам квартиры. Я просил его нанять нам квартиру в две комнаты с кухней и со всеми удобствами. Если нельзя будет найти такую квартиру, то наймет два номера в гостинице, но здесь они очень плохие. Я просил при квартире кухню, так как думаю, что придется готовить хотя бы что-нибудь дома, а то говорят, на весь город – один ресторан, и тот очень плохой. Хотелось было пригласить тебя в Варшаву, но во-первых, только вчера окончательно выяснилось мое положение, а во-вторых, над Варшавой раз в две недели летают немецкие аэропланы и бросают бомбы и пять-шесть человек калечит совершенно мирных жителей. В Варшаве к этому привыкли и мало обращают внимания, но не думаю, чтобы ты жила при этих условиях спокойно. Седлец же 100 верст за Варшавой и можно жить, не опасаясь аэропланов. Варшава – отменный город, пожалуй, наряднее Петербурга, очень чистый, масса великолепных магазинов, торговля в полном ходу, но видимо все богатые люди из Варшавы выехали, по крайней мере не видно ни хороших выездов, ни разодетых дам, много больших домов обращены в лазареты,

массу привозят раненных, много проводят [слово нерозбірливо], летают во все стороны военные автомобили и вообще масса военных. Я до сир пор решительно нигде не был, даже в театре, когда приедешь, может быть пойдём вместе. Масса работы по формированию и кроме того болею душой за весь ужас войны – помилуй 16-й день идет бой. Как же совместить сидеть в тепле и пользоваться удобствами, а там ... Имею сведения, что потерь в Елисаветградском полку почти не было, но от Горы и от тебя вот уже месяц не имею писем. Каким путем тебе ехать – не знаю, но в железнодорожной кассе скажут, и день выезда из Николаева телеграфируй мне в Седлец и затем еще за четверо суток до приезда. Телеграммы идут очень медленно и могут опоздать, тогда сама нанимай извозчика и приезжай на квартиру. Как только перееду в Седлец, буду тебе телеграфировать, чтобы ты выезжала и в телеграмме укажу подробный адрес квартиры. Количеством багажа не стесняйся. Советую взять [нерозбірливо], какую-нибудь посуду можешь купить, постельное белье для себя возьми, у меня есть, впрочем все это ты сама сообразишь...»

(ДАМО, ф. 306, оп. 1, спр. 4, арк. 37–39зв.)

«27 марта 1915 г.»

«Дорогая Маруся. ...Стрельба у нас каждый день, но кажется немцев мало. Недавно мы заняли деревню Демонавиц, при этом произошел такой случай. Деревня эта сильно обстреливалась нашим артиллерийским огнем, затем наши пошли в атаку, но были отбиты пулеметным огнем. Через два дня на ней показался белый флаг, но зная коварство немцев, никто им не поверил и огонь усилили по этой деревне, тогда один немецкий солдат перебрался к нам и сказал, что там, в Демонавице, эльзасцы, что они хотят сдаваться, но не знают как это сделать, так как их флагу не верят. Все-таки им не поверили и усилили огонь, а когда они начали выходить из деревни, их расстреляли артиллерийским огнем. Вот и жди правды, говорят, что может эти эльзасцы были подсланы нарочно...»

(ДАМО, ф. 306, оп. 1, спр. 4, арк. 47зв.–48)

«4 апреля 1915 г.»

«Дорогая Маруся. ...Пока у нас относительно тихо, хотя стрельба каждый день, и артиллерийская, и оружейная. На днях прибежали к нам казаки из плена, зарубили четырех человек немцев и три дня скитались, пока добрались к нам. Наконец я получил Георгиевское оружие и то в газетах прочел, в приказе еще не было. Представлен за бой 2 марта еще к небольшой награде...»

(ДАМО, ф. 306, оп. 1, спр. 4, арк. 49зв.–50).

«21 мая 1915 г.»

«Дорогая Маруся. Посылаю тебе письмо от Лиды, ужасно тронут заботами Лидуши о Боре. Еще до получения моей телеграммы, она оказывается все сделала, что следует. Я тоже получил телеграмму в ответ на свою от командира запасного батальона..., что Боря 1-го апреля назначен на пополнение в 48-ю дивизию и больше он ничего не знает...»

(ДАМО, ф. 306, оп. 1, спр. 4, арк. 57).

«25 сентября 1915 г.»

«Дорогая Маруся. ...Очень, конечно, рад, что вывезли все вещи, хотя торопились напрасно, так как только 4 сентября немцы вошли в Вильну... выехала ли ты из Петрограда в Николаев. Двинск до сих пор наш и нужно было тебе обоим солдат послать в Двинск за остальными вещами, но теперь уже это поздно делать, так как немцы в 19 верстах перед Двинском. Решительно не понимаю, почему предполагается эвакуировать Николаев, думаю, что это вздор. Если бы даже Румыния пошла против нас, то и ей несдобровать. Считаю, что Николаев защищен Очаковым и весь наш флот крайне удивлен и озадачен этим известием. Но, если бы, чего я не допускаю решительно, так случилось, что вывезти вещи было бы нельзя, то ты сама выехала бы в Самару, Казань или Саратов. Повторяю, что я прямо этого не допускаю, вывозить вещи без солдат ты не в состоянии...
...Поздравляю тебя с днем ангела и от души желаю здоровья и скорого нашего свидания, но надежды на скорую встречу у меня нет теперь никакой. Все зависит как пойдут дела наши...»

(ДАМО, ф. 306, оп. 1, спр. 4, арк. 63–64зв.)